

Сергей

Юрский

провокация

театр

АСВ

Игоря

Вацетиса

Сергей Юрский

**Провокация: Театр
Игоря Вацетиса**

«Издательство АСТ»

2010

Юрский С. Ю.

Провокация: Театр Игоря Вацетиса / С. Ю. Юрский —
«Издательство АСТ», 2010

Игорь Вацетис — загадочный персонаж в современной литературе. Критики ведут спор о достоинствах его сочинений, публикуется проза, с успехом идут спектакли по его пьесам «Предбанник» и «Провокация», а о самом Вацетисе по-прежнему известно на удивление мало... Близкий друг Вацетиса Сергей Юрский приоткрыл завесу тайны и написал книгу, в которую вошли проза и пьесы Игоря Вацетиса с комментариями известного актера.

© Юрский С. Ю., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Загадка судьбы Игоря Вацетиса	5
Обстоятельства образа действия	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Юрский

Провокация: театр Игоря Вацетиса

Загадка судьбы Игоря Вацетиса

Об исчезновении на пути из мирной Женевы через совсем не мирную Боснию в довольно спокойный город Скопье (Македония) российского (тогда еще советского) журналиста Игоря Вацетиса и наша, и зарубежная пресса писали достаточно много. Не были обойдены вниманием и достаточно скандальные, порой просто сенсационные встречи Вацетиса с разными людьми, предшествовавшие исчезновению. Результатами этих встреч были поражающие воображение интервью, подхваченные западной (к великому сожалению, по большей части желтой!) прессой. Удивления достойно, как люди, не будучи замеченными ни в чем сколько-нибудь интересном ни до интервью, ни после, открывались Игорю с такой полной, можно сказать – бесстыдной, откровенностью, что на время это делало их предметом всеобщего напряженного внимания всей читающей части общества в цивилизованных странах. Нам, россиянам, как всегда, доставались, если можно так выразиться, «крохи с барского стола». Не более чем одна сотая (не преувеличиваю!) часть работ Игоря Вацетиса попала в нашу печать.

Пишу это не для упрёка. Запретный плод, как известно, сладок. Может быть, именно вследствие некоторой таинственности, неполной разрешенности журналистские работы и само имя Вацетиса стали столь у нас популярны. Жаль только, что – опять же как всегда – популярность Игоря мы приняли из рук Запада. Остается надеяться, что, раз приняв, мы ее из рук своих уже не выпустим.

Факты его исчезновения общеизвестны. Но, может быть, стоит для сегодняшней (прямо скажем – далеко не ординарной публикации) их кратко перечислить:

1991 год

17 февраля. Вацетис встречается в Париже с Кондюковым.

18 февраля. Манифестация промусульмански настроенных жителей парижских окраин на Place de la Concorde против войны в Ираке. Вацетис и Кондюков наблюдают манифестацию.

21 февраля. Президент Миттеран объявляет о повышенных мерах безопасности в связи с возможными актами терроризма. Вацетис встречается с Кондюковым в кафе “Des deux Magot”.

22 февраля. Во время спектакля “La Tempete” в парижском театре “Bouff du Nord” происходит скандал между Вацетисом и Кондюковым. Кондюков отказывается от интервью, заявляя, что ему «нечего сказать».

Того же – 22-го, ночью, Кондюков вылетает в Москву и оттуда в Новосибирск.

23 февраля. В газете «Известия» опубликована статья о многотысячном митинге в Лужниках. Вацетис покупает газету и вместе с ней выезжает в Женеву.

23 февраля – 11 марта. Вацетис запирается на вилле “Les Cretes” и пишет неизвестно что. За 18 дней исписано более 300 (!) страниц.

12 марта. Все тексты, помещенные в 8 пакетов, отправлены с оказией в Москву на адрес А.Симонова.

Того же – 12-го, вечером, 4 пакета из 8 не пропущены таможней в Москве.

16 марта. Вацетис собирается взять интервью у Антуана Дмитриевича, издателя и националиста.

Того же – 16-го, вечером, Дмитриевич, узнав, что Вацетис собирается взять у него интервью, вылетает в Загреб.

18 марта. Вацетис в Загребе около 16 часов покидает отель “Esplanada” и до 2 часов ночи общается с подонками общества, надеясь взять интервью.

19 марта. Посылает телеграмму в Париж знакомому с сообщением, что вернется не позднее чем через неделю. **ЭТО БЫЛО ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ ОТ НЕГО.**

21 марта. По свидетельству портье отеля “Esplanada”, Вацетис покупает билет на поезд Загреб – Скопье через Сараево. Прощаясь, говорит: «Хочу поглядеть, что там у братьев-славян», – и берет у портье интервью. **ЭТО БЫЛО ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ ИГОРЯ.**

В Скопье его ожидала полиция, но поезд пришел без Вацетиса.

Таковы факты. Но всем давно уже пора понять, что факты эти не исчерпывают судьбу и труды Игоря Вячеславовича Вацетиса. И то и другое (и судьба и труды) остаются загадкой для нас – загадкой, тревожащей и манящей. На родине исчезнувшего журналиста мало кто знает, что Игорем написаны несколько романов, громадное количество рассказов, повестей и стихов. Две его пьесы: “Parbleu” («Черт побери») и «Попытка провокации» – переведены на несколько европейских языков. «Попытка провокации» была поставлена в Польше на камерной сцене варшавского театра «Закостельни». Спектакль и пьеса были удостоены специального приза «За неожиданность в постановке вопроса» Польской Ассоциацией Критиков в Защиту Современной Драматургии от Нападков (ПАК ЗСДоН). В рейтинге пьес, «освеживших европейскую сцену», который открывают такие имена, как Бруно Шульц, Виткевич и Гомбрович, Игорь Вацетис замыкает первую десятку, переместившись после “Parbleu” сразу со 162-го места на 11-е.

Для россиян же, повторюсь, И.Вацетис остается недостижимой туманной неопределенностью. Чем могу помочь я, человек другого поколения, поколения шестидесятников? Прежде всего важным для установления правды признанием.

Это я был тем человеком, которому Вацетис адресовал свою последнюю телеграмму. Тогда, в 1991-м, я играл в Париже в театре “Bobigny”. Мы частенько встречались с Игорем. Несколько раз он приходил к нам на репетиции. Всегда веселый, оживленный, с громадным количеством маленьких бутылочек водки и коньяка, рассованных по всем карманам. Он угощал водкой молодых актрис, шутил и очень много пил сам, никогда при этом не пьянея. Я останавливал его, а он отвечал обычно: «Нет, дядя Сережа, я свою дозу знаю. Только доз у меня несметное количество».

Дядей Сережей он называл меня с детства (с его детства, разумеется, а не с моего). Я дружил с его отцом – Славой Вацетисом, замечательным рижским искусствоведом и историком янтаря. Еще в 1950-е я играл в театре Ленинградского университета, а Вацетис-старший пел в хоре. Вольнолюбивый характер рано или поздно должен был привести Славу в тюрьму. И это случилось. Еще подростком Игорь узнал, что такое очередь к тюремному окошку. Он решил во что бы то ни стало вызволить отца. Ему удалось окончить школу милиции и внедриться в КГБ. Кстати, отсюда его тонкое знание психологии общения следователя и подследственного, или вербуемого. Тут грянула перестройка, и отец Игоря был полностью реабилитирован. Ему предстояло стать во главе всего янтарного промысла республики, но... здоровье было безвозвратно подорвано. После смерти отца Игорь сперва стал пить, а потом писать, писать и писать.

Несколько раз мы говорили с ним долго и серьезно. Могу гордиться тем, что он ценил во мне не только актера, но, как он говорил, «человека театра». Мне он доверил свои первые драматические опыты. Был терпелив, выслушивая мою критику. Должен признаться, я не сразу осознал, с талантом какого масштаба я имею дело. Много было в его писаниях чепухи. Масса чепухи. Но порой мелькали такие куски, что невольно задумывался я – не бросить ли все посреди дороги? Не уступить ли дорогу молодежи?

Когда я вполне оценил его, он был уже далеко – работал то в Скандинавии, то в Германии. 1989 год стал для него переломным. Он поселился в Париже и стал с неимоверной скоростью брать у всех интервью. По-настоящему овладел французским и стал писать на нем. На русском же писал только ночами – романы, повести, пьесы. Я был первым читателем всего, что он создавал. Без конца он слал мне пакеты с рукописями. Я уже не справлялся. Он писал и отсылал быстрее, чем я читал. Да, честно сказать, ведь были у меня и свои дела, была работа и была личная жизнь.

Короче, теперь, когда его нет, у меня лежит громадный неразобранный его архив. Там очень много неоконченного. Он присылал романы отдельными главами, группами глав. Советовался со мной. Бросал. Снова возвращался к начатому и продолжал.

Сегодня я рискую предложить вашему вниманию, уважаемый читатель, первые части романа «Обстоятельства образа действия». Это роман о КГБ, который так хорошо, так обстоятельно знал автор.

Роман не окончен. Да? Я не уверен в этом!

Я абсолютно не уверен в том, что Игорь Вацетис погиб.

Напротив – я уверен в обратном. Я знаю этот удивительный характер!

Право распоряжаться рукописями у меня есть: многократно раз он говорил мне по телефону: «Дядя Сережа, делай с этим... все, что захочешь».

Я хочу познакомить читателей с этим автором. Хочу познакомить с той невероятной паутиной отношений, которую описал Игорь в романе.

Я свято верю, что роман окончен! Игорь жив и рано или поздно объявится! Тогда – я верю, верю – он сам выложит на редакторский стол продолжение, которого с таким нетерпением будут ждать читатели.

А я... может быть, тогда я рискну рассказать всю правду, все, что знаю о грешной и паразитической жизни автора этого романа и о чем нынче умалчиваю, в силу природной деликатности.

Сергей Юрский

Обстоятельства образа действия

Глава 1

Работа с документами

Внешне бумага была самая обычная: почтовая, в линейку, $91/4 \times 123/4$, без водяных знаков. Двойной лист. Исписано две с половиной страницы. Полторы страницы пустые. Но все же стоило проверить и саму бумагу. лейтенант Никитин зашел к криминалистам. Нэлли Кожевникова провела осмотр под сильной лупой, потом под микроскопом. Без результата. Впрочем, Никитин и не ждал тут открытий – это было бы слишком элементарно. На всякий случай прогладили утюгом. Тоже без результата. Рентген-экспертизу пришлось отложить – аппаратура была на профилактике – третья пятница месяца. Никитин поморщился – отметил свою забывчивость – надо было помнить про профилактику и зайти вчера, а он занялся другими делами. Нехорошо! Потеряны дни! Варианты? Быстро!

Первый: поехать к медикам! Отпадает – нельзя показать секретный документ.

Второй: поехать в лабораторию в Москву! Так! Быстро! Решение?

Сейчас 13:40. Утренний поезд уже ушел. Машина! Нет, только к вечеру доберемся. Пароход! Абсурд! Какой пароход между Ленинградом и Москвой! Это неделю ехать, и вообще неизвестно, есть ли там прямая вода. Абсурд, чепуха, забыть и не возвращаться к этому. Самолет! Так! Где расписание? Быстро! 16:50. Ну, считай, 17. В Москве в 18. Час до города. Лабораторию закроют. Спецразрешение не успеть получить. Отпадает!

Третий: повезти Нэлли и Миронова в институт рентгенологии, отстранить тамошних специалистов и провести закрытую рентгенэкспертизу. Для этого надо обучить Нэлли и Миронова работе с их аппаратурой, отсеять возможность контроля и дублирования со стороны их начальства. Можно! Но сложно! Не успеть и излишек шума. Отпадает!

Четвертый... Дальше!

Никитин думал очень быстро, всего несколько секунд, и вот уже готов точный ответ: ничего сделать нельзя, придется отложить до понедельника.

Нэлли четкими движениями бритвы, оправленной в костяную рукоятку, отсекла небольшую (один сантиметр ширины) полоску чистой части письма, рассекла ее на пять долей. Совершенно одинаковые квадратики.

Первый сожгли. Горение обычное – по времени, по яркости, по цвету пламени. По вкусу пепла.

Второй был опущен в натуральный крепкий кофе. Намок, но не растворился.

Третий положили в сильный раствор проявителя, ящичек закупорили на сутки, и Никитин поставил на нем свою контрольку. Нэлли поместила ящичек в отделение специального герметичного шкафа и на дверцу наложила свою контрольку.

Два оставшихся квадратика Нэлли ухватила длинным пинцетом, положила квадратики на стекла, сверху придавила другими стеклами, стиснула металлическими зажимами с резиновыми наконечниками. Потом она приклеила на стекло полоску бумаги и написала на ней: «НИКИТИН 4/У. Запас».

– Четырнадцать ноль-ноль, – сказал Никитин. – Значит, завтра в четырнадцать ноль-ноль я зайду и вскрою ящик.

– Ага, – сказала Нэлли.

Никитин вышел из кабинета. Цокая новенькими каблуками, он стремительно и вместе с тем без излишней поспешности двинулся по коридору.

– Андрей Александрович! – Нэлли стояла в дверях.

Никитин резко развернулся. Он не любил ни возвращаться, ни оглядываться.

– Так ведь... – сказала Нэлли и замолкла, хлопая громадными круглыми глазами на широком лице.

Никитин скрипнул зубами и покраснел. Он сразу понял все. Какая оплошность! Вторая подряд! Завтра лаборатория выходная – извлечь пробу можно будет только в понедельник. Раствор разъест материал. Все зря. Потеряны дорогие минуты. Каблуки процокали по паркету обратно.

Нэлли сняла контрольку, достала ящичек. Никитин ликвидировал свою контрольку, и опять явился на свет бачок с проявителем, а в нем бумажка. На всякий случай глянули в микроскоп, но ничего не обнаружили.

И в третий раз лицо Никитина едва заметно покривилось – изуродованное письмо с отрезанной полоской лежало на столе. Он забыл его! Совсем нехорошо. Никитин достал из кармана пакет из мало прозрачного полиэтилена. Нэлли протянула ему письмо. Пакет приоткрыл свою узкую пасть. Пш-ш-ш-ак! Письмо легло на дно.

– До понедельника, лейтенант! – сказал лейтенант Никитин.

Нэлли вскинула голову и привстала.

Глава 2

Работа с людьми

«Маслом кашу...» – сказал сам себе лейтенант Никитин и снял телефонную трубку. Солнце заливало кабинет, ломилось в стекла, плясало отсветами на полированной мебели.

Трубку взяли после седьмого гудка:

– Аллю!

– День добрый, Михаил Зиновьевич! Евгений Михайлович беспокоит.

– Да, да, слушаю. Здравствуйте.

– Как у нас, все нормально? Задержечек, опозданий не намечается? Я, собственно, напомнить...

– Да, да, без четверти четыре.

– Ну, спасибо. Поздравляю, Михаил Зиновьевич! У дочурки сегодня ведь день рождения – помню! Я потому звоню, чтоб без опозданий – вам ведь дома пораньше надо быть. Так что – поздравляю!

– Спасибо, Евгений Михайлович.

– Подарок за мной... Вы на метро поедете?

– Да... наверное, на метро.

– Конечно, успеете. Сейчас четырнадцать сорок восемь. Нормально успеете.

– Угу...

– Всего доброго!

– Спасибо.

Никитин достал письмо, аккуратно распял его на столе. Вот...

«С Фесенкой мы все дальше и дальше. Вроде кошка никакая не пробежала, а охлаждение есть и уже заметно обоим. Мне кажется, на него давит какой-то груз. У него беспокойные глаза. И руки. Но в разговоре все отрицает. Говорит, как всегда: "Не бери в голову!" С Лизой тоже контакта нет. Все они чего-то суетятся, не знают покоя».

Никитин вздохнул и отложил письмо.

Никитин запер дверь кабинета и снял штаны.

Руки аккуратно привычно пристраивали брюки на вешалку в шкафу, а глаза косили в письмо на столе (Никитин одинаково хорошо видел далеко и близко):

«С Лизой тоже контакта нет».

Рванули дверь.

Никитин вздрогнул.

Постучали.

– Кто там?

– Откройте, Никитин! – окнул голос подполковника Громова.

– Одну минуточку.

– В чем дело? Немедленно открыть! Почему на замке? Быстро!

Дверь рвали. Подполковник Владимир Иванович Громов был крут и скор на выводы. Раздумывать было некогда. Никитин распахнул дверь. Громов вбежал в комнату, не поворачивая огромной лысой головы, установленной на плечах напрямую – без применения шеи.

– Кто позволил? – грозно окал на ходу Громов. – Под замком допрашивать запрещено. А одному сидеть запершись – погано. Ты что, онанист?

У окна подполковник развернулся всем телом, с трудом поворотил тяжелую голову... и осекся...

– Ондрей! – сказал мягко, по-отечески. – Ты почему без штанов?

– У меня встреча по письму... надо в штатском...

– Это двенадцать дробь одиннадцать?

– Да, двенадцать дробь одиннадцать.

Громов погряз в глубоком кожаном кресле:

– Закройте дверь, Никитин.

Никитин двинулся к дверям – как был, в носках, не надевая ботинок. Громов сказал:

– Сними китель, Ондрей, а то больно глупо глядеть.

Не объективен, совсем не объективен был на этот раз подполковник Громов, и сам это знал. Вовсе не глупо выглядел лейтенант Никитин даже без штанов и в кителе. Полный набор ножных мышц всех наименований. Ноги в меру волосатые, в меру мужественно кривоватые. Живот плоский. Кожа гладкая, в меру жирная. Даже не в меру, а очень жирная. Или нет, в меру, нормальная кожа. Кожа что надо. По крайней мере не сухая, как у подполковника. Не глупо, а отлично выглядел Никитин. Отлично!

Громов сидел неподвижно, утонув в кресле по плечи включительно, и смотрел, как Никитин переодевается. Подполковник потел под прямыми лучами солнца, пучками жалившими сквозь линзу неровного оконного стекла. Лысина сверкала, ореолила. Складки лица подполковника набрякли, и выражение лица стало печальным.

– Ты каким спортом занимаешься?

– Теннис, Владимир Иванович, – Никитин заправлял низ свежей сорочки под брюки, натягивал, разглаживал ее. – И утром сорок минут пробежка.

– Сорок... – Громов горестно покачал головой и посмотрел на зеленый арбуз своего живота под кителем. – Андрей Александрович, я вот что... мне тут... предстоит возглавить большую работу... проверка по всему отделу... отчет по идеологической обстановке... приказ... по всем контактам, потому что... процентовка... сверху спустили... по сравнению с прошлым годом по всем показателям...

– Это сентябрь? – Никитин вывязывал галстук.

– И октябрь – до праздников надо кончить. Мне тут где-то через недельку надо доложить о составе группы.

Громов сам себе удивлялся – откуда этот просительный тон? Почему вообще он пришел сюда, а не вызвал Никитина к себе, не сообщил коротко и по-деловому, что забирает его к себе в группу. Конечно, тут есть загвоздка – Никитин на сентябрь назначен в Грецию с ветеринарами, три недели. Но это поправимо: можно оговорить с Клецом, нажать на Пустырева и всем вместе выйти на доклад генералу Лушину. В чем дело? Поедет в другой раз. А сейчас он нужен тут. Интересы дела! Громов знал, что Никитин, как никто другой, умел находить формулировки итоговых отчетов. А без этих крепких, приятно обволакивающих и факты, и слух начальства формулировок любая проверка гроша ломаного не стоит – все равно все в дерьме: и те, кого проверяли, и те, кто проверял.

Никитин чистил себя щеточкой.

– Как лучше для дела, – сказал он. – Я готов. В отпуск все равно не пойду – буду заниматься тысяча вторым и вот двенадцать – одиннадцать... А что касается ветеринаров... – Никитин, не сгибая ног, сложился пополам и чистил абсолютно чистые, без единой пылинки обшлага кремовых брюк, – что касается ветеринаров... то Помоев в курсе, – Громов вздрогнул. – Я его введу, проинструктирую... а съездить может и он... Если... – Никитин разгibasся – ноги совершенно прямые, а верхняя половина туловища равномерно поднималась, – если Петр Геронтьевич решит, не о чем говорить, – Никитин стоял в рост – 189 см.

«Во как! – уныло подумал Громов. – Он уже генерала Лушина просто Петром Геронтьевичем называет. Во как! Может, без него обойтись? Хорошо бы, да не обойдешься. Во вырос парень!.. Быстро. Слишком быстро. Как это он так незаметно вырос?.. Помоев! А?! Как он это ввернул: “Помоев может съездить”. Помоев самостоятельно разве что в сортир сходить может, да и то обмарается. Да... ловко!»

– Мне сейчас, Андрей Александрович, хотелось только в принципе с вами оговорить... а остальное ты, Ондрей, сам, конечно, если сможешь... приказ, он будет, но как повернуть, а Помоев – тут, как говорится, две большие разницы, – замямлил, путаясь в словах и намерениях, подполковник. – Только в принципе, если все совпадет...

Никитин улыбнулся широко и хищно. Наклонился над Громовым:

– А в принципе вы, Владимир Иванович, всегда на меня можете рассчитывать.

Никитин взял со стола письмо и запустил в мало прозрачный полиэтиленовый пакет – шш-ш-ш-а-а-х!

– А как... по письму дела идут, хорошо? – почти умоляюще проокал Громов.

– Да, работаем... Непросто... – Никитин снял трубку и набрал короткий номер. – Помоев? Никитин. Машина у второго подъезда. Через пять минут. Все, – повесил трубку. – Извините, Владимир Иванович.

Громов ухватился за высокие подлокотники кресла и трудно выжал свое рыхлое тело. Поплелся к выходу.

Никитин прикрыл дверцу шкафа, глянул на себя в полуростовое зеркало. Тряхнул головой, и светлые пряди волос очень естественно легли, хорошо увязались со штатским кремовым костюмом. Эти прямые, довольно длинные волосы, прямой нос, голубые глаза, хорошо очерченный подбородок – было в Никитине что-то не современное, что-то даже от прошлого века. Был он похож на, может быть, есаула, что ли, гвардейского уланского ее высочества полка.

Глава 3

Улан у дешифровальщиков

Никитин пробежал по стеклянному переходу в подсобное здание и упруго взлетел на четвертый этаж. Он знал шифр шифровальщиков. Поэтому, не постучав, набрал нужную комбинацию цифр на дверном замке и отодвинул обитую железом дверь. В комнате было полутемно. Окна зашторены. Но ослепительно яркие двухсотсвечовки горели над рабочими столами.

– Здравствуйте, товарищи!

– Как хорошо, Андрей Александрович, что вы зашли. Здравствуйте, – двинулся к Никитину завлаб Воронов – высокий, узколицый, в золотых очках.

Крепко пожали друг другу руки и не торопились кончить рукопожатие. Смотрели испытательно – глаза в глаза.

– Есть? – выдохнул Никитин.

– Да вроде. – Воронов пытался высвободить свою руку, но Никитин не выпускал.

– Хайло! – негромко рявкнул Никитин, не спуская глаз с Воронова.

В глубине комнаты вскочил за столом криволицый носатый человек.

– Позвоните, Хайло, на второй подъезд, пусть Помоев подождет меня у машины.

– Есть! – Хайло склонился над аппаратом.

– Показывай, Сережа, – сказал Никитин, а руки Сережиной все не выпускал. Воронов еще вежливо подергал и застыл. Никитин выпустил руку.

Воронов прошел к своему столу, предложил Никитину свое место – напротив лампы. Никитин сел. Воронов придвинул другой стул и присел рядом. Стол был совершенно пуст. Пустая поверхность стола ярко светилась.

– Докладывайте, Хайло! – не оборачиваясь, сказал Воронов.

Хайло обежал вокруг стола и положил в яркий светящийся круг стопку одинаковых двойных листов.

– Докладывайте, – сказал Никитин.

– Копия, – сказал Воронов.

Никитин осторожно читал знакомый наизусть текст:

«С Фесенкой мы все дальше и дальше... Мне кажется, на него давит какой-то груз... Но в разговоре все отрицает. Говорит, как всегда: "Не бери в голову!" С Лизой тоже контакта нет. Все они чего-то суетятся, не знают покоя.

Помнишь, Маркуша, охоту в Елизово? Небо, звезды, огоньки на дамбе. Нехитрая еда, портвешок. Родничок около дома Захара Ефимовича, рыжую суку Жучку. И невыносимо скучно, когда еду теперь по этим местам и думаю, что никогда больше ни тебя не увижу и вообще никогда...»

Хайло снял верхний лист. Под ним был точно такой же с тем же текстом. Но несколько строк были обведены красным карандашом.

«...Но в разговоре все отрицает. Говорит, как всегда: "Не бери в голову!" С Лизой тоже контакта нет. Все они чего-то суетятся, не знают покоя.

ПОМНИШЬ, МАРКУША, ОХОТУ В ЕЛИЗОВО? НЕБО, ЗВЕЗДЫ, ОГОНЬКИ НА ДАМБЕ. НЕХИТРАЯ ЕДА, ПОРТВЕШОК. РОДНИЧОК ОКОЛО ДОМА ЗАХАРА ЕФИМОВИЧА, РЫЖУЮ СУКУ ЖУЧКУ. И НЕВЫНОСИМО СКУЧНО, КОГДА ЕДУ теперь по этим местам и думаю, что никогда больше ни тебя не увижу и вообще никогда...»

– Ну? – сказал Никитин.

– В отмеченном куске интересная особенность. Долго вертели и нашли. Сегодня.

– Показывайте.

Хайло сорвал очередной лист, и под ним опять такой же, но красный карандаш поработал больше – в красных квадратах заключались буквы:

«...ют покоя.

*Помнишь, Маркуша, Охоту В Елизово? Небо, Звезды, Огоньки
На Дамбе. Нехитрая Еда, Портвешок. Родничок Около Дома Захара
Ефимовича, Рыжую Суку Жучку. И Невыносимо Скучно, Когда Еду теперь
по этим местам и думаю, что никогда больше ни тебя не увижу и вообще
никогда...»*

– Ну? – сказал Никитин.

Воронов взял лист в руки. Пальцы дрожали – то ли от волнения, то ли сказывалось еще каменное никитинское пожатие.

– Разрешите закурить?

– Да, кури, Сережа, только не тяни.

Воронов рванул ящик стола, но слишком резко. Ящик трахнулся об пол, и все содержимое вывалилось набок. Штук двести копий все того же письма, пачки сигарет, зажимы, резинки, кисточки, ножички, порошки... Хайло кинулся. Подбирали вдвоем. Воронов совал сигарету в рот, но не тем концом. Выплевывал табачную крошку. Хайло чиркал спички. Воронов затягивался, но не раскуривалось, губы дрожали.

Никитин упрямо смотрел на лист перед собой:

«ют покоя.

*Помнишь, Маркуша, Охоту В Елизово? Небо, Звезды, Огоньки На
Дамбе...»*

– Ну, давайте там! – гаркнул он хрипло. – Потом соберете.

Воронов снова сел рядом.

– Поняли, Андрей Александрович?

– Ну?

Воронов выдохнул дым. Никитин замахал рукой, отгоняя дым.

– Поняли?

– Ну?

– Давай, Хайло!

Хайло выхватил лист. Под ним был следующий, и на нем только одна фраза – каждая буква в красной рамочке:

П. МОВЕНЗОН ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

– Первые буквы слов... – прошептал Воронов. – Крутили, крутили – нашли! Видите? «П. МОВЕНЗОН ДНЕПРОДЗЕР ЖИНСКЕ».

– Ну? А дальше?

– Дальше пока не очень.

– Ну прочти дальше.

ТПЭМИД ЧНБНТНУИВН

– Дайте текст, – сказал Никитин.

Он поводил пальцем по бумаге, потом поднял голову.

– Почему у вас ДНЕПРОДЗЕР перерыв ЖИНСКЕ?

– А тут, видите ли...

– Вижу. Ясно вижу. У вас сука не влезла, и вы ее пропустили. Так? «...Около Дома Захара Ефимовича, Рыжую Суку **Жучку**...» А у вас просто Жучку. Почему? Потому что не лезет? Потому что получится ДНЕПРОДЗЕР С ЖИНСК?

– Но там могла быть ошибка. Остальное сходится.

Никитин встал.

– Ерундой занимаетесь, Воронов!

– Андрей Александрович, это не может быть случайностью, это не простое совпадение... а СУКА как раз описка отправителя, – Воронов был очень бледен. – Не «рыжая сука Жучка», а просто «рыжая Жучка» – и все сходится. А возможно, это добавочная защита шифра. Андрей Александрович, надо запросить Днепродзержинск. Есть ли там П. Мовензон?

– Мовензон есть везде, а что такое: ТПЭМИД ЧНБНТНУИВН? Ерундой занимаетесь!

Никитин резким жестом отогнал клуб дыма:

– Это не работа, товарищи! Кто это открытие сделал?

– Хайло!

– Ерундой занимаетесь, товарищ Хайло! Продолжайте поиск!

Глава 4

Комната свиданий № 317

У второго подъезда стоял Олег Помоев в синем блейзере и брюках цвета близкого к оранжевому, но с сереньким завитушечным рисунком по диагонали. Никитин выбежал из дверей и застыл как вкопанный. – Я ведь говорил, Олег Иванович, я ведь заранее говорил, – плачущим голосом проскрипел Никитин. – Обычный серый костюм – двойка, производства ГДР. Галстук нейтральный, с тонкой красной полосочкой. И все! И все дела, Олег Иванович. И у Марии Игнатьевны есть эти костюмы, и я ее предупреждал, и вас там ждут... – У нее размера моего нет. Все разобрали. Самый ходовой размер, – Помоев вертел головой, оглядывал синий блейзер, пожимал плечами. – Этот нормально вроде сидит.

Никитин почувствовал, что у него заныли сразу два зуба – сверху и снизу.

– Слушайте, Помоев! Значит так, быстро наверх и взять у Марии Игнатьевны макинтош. Серый или бежевый. Только не черный, чтоб людей не пугать. Длинный. Обязательно длинный, до ботинок. И снимать макинтош нигде не будем. Договорились, Олег Иванович?

– Жарко будет в макинтоше.

– Жарко. А вам еще за ним наверх бежать, и у вас на все четыре минуты.

Действительно, припекало крепко. Внутренний двор был втиснут между высокими зданиями, которые обступили его с трех сторон. С четвертой стороны шла глухая стена, украшенная поверху пятью нотными линейками колючей проволоки. Солнце уже отклонилось от зенита и теперь било не в темя, а прямо в глаза сквозь проволоку над стеной. Двор казался глухим – ни выхода на улицу, ни выезда. Но это только казалось.

За левым выступом дома была арка, за аркой туннель и в конце его пост и автоматически открывающиеся ворота.

Никитин предъявил на посту документ и вышел через боковую дверь на улицу. В тенечке под деревьями стоял зеленый «жигуленок». Из-за угла (сообразил – через пятый подъезд быстрее), путаясь в длинном плаще, бежал Помоев. Никитин сел за руль. Олег Помоев, неловко и как-то по-бабьи задирая подол, влез на соседнее сиденье.

Рванули с места. Времени было в обрез.

– Меня зовут Евгений Михайлович, его – Михаил Зиновьевич, – втолковывал Никитин, ювелирно втискивая машину между трамваем и гигантским контейнеровозом. – Вас, Олег, зовут Василий Васильевич. Запомните? Но это на самый крайний случай. А вообще-то ваше дело молчать и наблюдать. Курить можно сколько хотите. Но прикуривать сигареты одну от другой не следует. Сигарету каждый раз гасить в пепельнице и следующую закуривать заново. Держите, Помоев! – Он протянул ему зажигалку. – Спрашивать разрешения у меня не нужно. И запомните основное, Олег Иванович, вы – главный, а я подчиненный.

Никитин круто взял вправо и одновременно резко нажал на газ, под самым носом злобно рычавшего грузовика сменил ряд и идеально вписался в поворот, ни на йоту не нарушив правил.

– Несколько раз, – продолжал Никитин. – несколько раз Михаил Зиновьевич будет говорить: «А какие у вас ко мне претензии?» Так вот, два раза вы промолчите, а на третий глубоко вздохнете, погасите сигарету... вы слушаете внимательно, Помоев? На третий раз глубоко вздохнете, погасите сигарету и потом тихо скажете, глядя в пепельницу: «Претензий у нас к вам, Михаил Зиновьевич, никаких нет, а вот дружба у нас с вами, кажется, не получается». Запомнили, Помоев?

Помоев послушно повторил фразу.

Никитин заложил последние два виража – налево, направо – и четко припарковался носом к тротуару между датским автобусом и интуристовской «Волгой».

– Триста семнадцатый, – сказал Никитин дежурной по этажу и предъявил карточку.

Коридор длинный, в три колена, метров четыреста. Когда – оба вспотевшие – вбежали в прохладный полулюкс, часы на башне – прямо перед окном – сыграли три четверти – 15:45.

В дверь тотчас постучали. Никитин ткнул пальцем в сторону дивана у окна и сделал Помоеву резкий приказательный жест, означающий: «Садись!» Пошел к дверям встречать.

– Привет, привет, Михаил Зиновьевич! Вы как граф Монте-Кристо – точно с боем часов. Входите, пожалуйста, – улыбался Никитин, кружа возле жирноватого сутулого человека в темном костюме. – Руки помыть или еще что-нибудь более личное не требуется? – Никитин раскрыл стеклянную дверь ванной, нажал на клавиш в стене. Неон гостеприимно загудел и, чуть понатужившись, залил ярким светом черно-белое пространство, пахнущее недавним ремонтом.

Сутулый человек нерешительно топтался на пороге, поглядывал в зеркало над умывальником и видел в нем свои воспаленные, тревожные глаза на несвежем лице, отворачивался и упирался в гладко выбритое, пахнущее одеколоном «Рижанин», сверкающее клавиатурой ровных белых зубов лицо Никитина, а за ним, за лицом, смутно различал фигуру там, в комнате, на диване возле окна. Солнце било в окно, и фигура смотрелась силуэтом. Человек с тревожными глазами встревожился еще больше. Утирая платком потный лоб, косым взглядом осматривал фигуру у окна. Понял, что на фигуре, несмотря на жару, надет плащ и что фигура курит, а больше ничего не понял.

Никитин закрыл тяжелую дубовую дверь, отделявшую переднюю от гостиной. Легонько взял гостя за талию и ввел в черно-белую роскошь ванной комнаты, зашептал на ухо:

– Мне одному, Михаил Зиновьевич, больше не доверяют. Начальник со мной приехал посмотреть, как наши дела. Мужик неплохой, но по душам, конечно, уже не поговоришь.

– Евгений Михайлович! Я как раз сегодня собирался вам сказать... мне кажется, вы попусту теряете со мной время. Я откровенно вам скажу... я ведь... – Фесенко говорил хрипло. Стоял опустив голову, обеими руками держась за массивный холодный край раковины. – Я так не могу больше.

– Как попусту? – Никитин отступил в изумлении и всплеснул руками. – Вы же мне объективную картину раскрыли! Вы же мне истинное положение в вашем институте разъяснили! Я новый человек, я профан, я без вас мог таких дров наломать! Да что вы, Михаил Зиновьевич, опомнитесь! И сейчас мы должны вместе убедить Василия Васильевича, что они неправильно смотрят на положение дел в институте. Мы должны с вами помочь и Бугову, и Славохотову, и Корсунскому, и Ройзману... всем нормальным людям. Ну, что, что вы... пойдете.

– Я в последний раз, – пробормотал Фесенко. Пальцы его так сильно сжимали край раковины, что сами стали цвета фаянса – обескровились. – Поймите, Евгений Михайлович...

– Да, может, и в последний, Михаил Зиновьевич! Может, и в последний... решительный, так сказать. Пойдете, пойдете... Василий Васильевич ждет... обидится!

Василий Васильевич, видно, и впрямь обиделся – так и сидел в профиль. Даже не повернул головы, чтобы взглянуть на вошедших. Курил.

– А вот, Василий Васильевич, и наш Михаил Зиновьевич! – сказал Никитин и усадил Фесенко в кресло возле стола. Достал из шкафа две бутылки боржоми, стаканы. Пробочник был приделан к грузику ключа от номера. Крепко зашипело и немного пролилось на стекло – боржоми было теплое. – Василий Васильевич интересуется обстановкой в институте. Я-то благодаря вам, Михаил Зиновьевич, теперь больше в курсе, но Василий Васильевич, естественно, хочет из первых рук, из чистого, так сказать, источника напиток. Так что давайте вместе как-то высветим...

Василий Васильевич поперхнулся дымом, дико и надрывно закашлялся. Из рта полетели какие-то кусочки, ошметки... Никитин кинулся к нему, пошлепал вежливо по спине. Василий Васильевич не утихал. Никитин взял повыше – в районе шеи – и шмякнул довольно

сильно – уже не до вежливости было. Василий Васильевич резко смолк, но голову так и не повернул, сидел в профиль. Обида, значит, что заставили его ждать, не проходила.

– Я уже говорил Евгению Михайловичу... – Фесенко отхлебнул теплой шипучей влаги, и тотчас такая же теплая шипучая выступила у него на лбу. – Я говорил Евгению Михайловичу, что все мои впечатления абсолютно субъективны... я уже рассказал, как мне видится...

– Вот, вот, именно! Как вам видится! Это очень важно, – подхватил Никитин. – Так вы, значит, полагаете, что авторитет Бугова, как руководителя, на должной высоте?

– В общем, да. Бугов серьезный ученый... умелый администратор...

– Но вот почему-то не все им довольны. Так ведь?

– Извините, а вы представляете себе ситуацию, чтобы начальником абсолютно все были довольны? Это было бы против диалектики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.